

ЕПАРХИИ

Но в добрую землю упавшее семя,
Как жатва настанет в урочное время,
Готовя стократно умноженный плод,
Высоко, и быстро, и сильно растет,
И блещет красою, и жизнию дышит:
Имеющий уши, чтоб слышать, да слышит!

На темы Евангелия.

Православные христиане веруют в единство Церкви. Одна, единая Церковь создана Христом и утверждена апостолами—вот принцип, лежащий в основе такой уверенности. На этот счет есть многочисленная богословская литература, но вряд ли возможно даже кратко перечислить содержащиеся в ней доказательства и толкования единства Церкви. Отметим лишь, что важнейшими являются: единство догматов веры, единое учение о нравственности, общие молитвы и тайнодействия. Нам же в данном случае важно обратить внимание еще и на то, что единство Церкви выражается в общих правилах церковного устройства и управления. Для православия характерна особая пространственная организация по принципу: «церковь возведена на епископах». Это означает, что на определенной территории может существовать только одна Церковь (организация, сообщество приходов), возглавляемая одним епископом. Ни один приходской храм, как бы далеко он не был расположен, ни одна монашеская пустынь или скит не могут существовать сами по себе, отдельно от церковного организма. Они немыслимы вне епархий, вне юрисдикции какого-либо епископа. Наличие епископа для территории-епархии означает, что устройство церковной жизни завершено здесь во всей ее полноте.

У истоков церковного обустройства Севера

Первоначально Русская православная церковь существовала как Киевская митрополия Константинопольского патриархата. По мере распространения христианства по Руси в ее важнейших политических центрах создавались отдельные епархии во главе с епископами, подчиненными киевскому митрополиту. К середине XIII века их было уже 16. Границы епархий соответствовали крупным русским княжествам. Среди епархий со времен XI века существовали Новгородская и Ростовская — территориально наиболее близкие северному региону. К ним длительное время и тяготело зарождающееся христианство Севера, от них оно произрастало и укреплялось.

Новгородские архиереи в XII веке — первыми на Руси — стали носить почетный сан архиепископа. Это не означало их выведения из-под воли киевского митрополита, но подчеркивало особое положение Новгородской республики и ее архипастыря.

Под патронатом новгородского архиепископа вплоть до второй половины XV века были Устюжна, Ладога и Онега, Карелия и Поморье, Подвинье и северное Приуралье вплоть до Печоры, Каргополье, Вага и Кокшеньга, многие земли по Сухоне и Кубене, Вологда.

Ростовские архиереи ведали Белозерьем, Чарондой, Устюгом, Тотьмой, Соль-Вычегодском.

Такое распределение церковной власти складывалось постепенно, по мере христианизации Севера. Юрисдикция первых веков христианства не означала какого-либо систематического руководства и повседневной регламентации церковной жизни на местах. Чаще всего она сводилась к безусловному праву епископа на поставление священников и благословение новых храмов, сбор церковной дани и осуществление церковного суда.

В 1383 году на северо-востоке края была образована первая самостоятельная епархия Севера с центром в далеком селе Усть-Вымь. Она получила название Пермской и охватывала земли Коми края и смежных территорий. Ее образование было вызвано политическими соображениями Московского государства и миссионерскими задачами Церкви. Немалую роль в учреждении епар-

хии сыграли личность и дела выдающегося церковного деятеля и просветителя, ее первого епископа Стефана Пермского.

Рождение Вологодской епархии

Заметные изменения в церковно-территориальном устройстве произошли вскоре после провозглашения в 1448 году автокефалии (независимости) Русской церкви и покорения в 1471 году Иваном III Новгородской республики.

Буквально сразу же, в 1471 г., восточные границы Новгородской епархии были ограничены Северной Двиной, а лежащие за ней Пинега, Кевроль, Мезень вместе с Вятской землей отошли под непосредственную юрисдикцию московских митрополитов. Отошедшие земли большей частью были малонаселенными и необжитыми, с незначительным количеством церквей. Здесь предстояло приложить немало усилий для укрепления церковной жизни.

Через 20 лет, в 1492 году, по повелению великого князя Ивана III от Новгорода была отделена и Вологда — в Пермскую епархию. С той поры епархия, основанная Стефаном, стала именоваться Пермской и Вологодской. Необычность ситуации заключалась в том, что епархия состояла как бы из трех территорий: смежных Перми Вычегодской (земли по Вычегде, Выми, Сыsole и отчасти Мезени) и Перми Великой (земли в бассейне Камы и ее притоков, главным образом — Чусовой), а также отстоящей от них на сотни верст Вологды.

Таким образом, к исходу XV века Север в церковном отношении окормлялся четырьмя архиереями: Новгородским, Ростовским, Пермско-Вологодским и Московским. Такое внимание к нему со стороны церковных центров не случайно — это было время интенсивного монастырского и приходского учредительства. Напомним и о том, что Север в те века составлял почти половину территории Московского государства.

XVI столетие принципиальных изменений в церковное дело не внесло. Отметим лишь некоторые события. Епископы Пермские и Вологодские все больше предпочитали проживать в Вологде, бывшей тогда в состоянии культурного и хозяйственного подъема, а не в далекой Усть-Выми. Наконец, епископ Макарий окончательно пе-

ренес резиденцию в Вологду, переселил туда весь архиерейский штат и навсегда оставил Усть-Вымь — с 1571 года епархия стала именоваться Вологодской и Великопермской. В 1571—1584 гг. значительная часть Поморья (Холмогоры, Каргополь, Турчасов стан и Вага с уездами) временно передавалась под юрисдикцию вологодских архиереев. Впоследствии такая же временная передача — «доколе Новгородская митрополия очистится от бродяг и разбойников» — была осуществлена в Смуту, в 1613—1617 гг. После введения в Русской церкви патриаршего управления в 1589 году была поднята степень двух севернороссийских кафедр: Новгородская архиепископия стала митрополией, а Вологодско-Пермская епископия — архиепископией.

Некоторое время на рубеже XVI—XVII веков существовала Карельская епархия, упраздненная после уступки Карелии шведам.

В 1657 году была открыта Вятская епархия, после чего начался обмен территориями: в новую епархию отошли Велико-Пермские земли из Вологодско-Пермской епархии; утраты компенсировались передачей Вологде Белозерья и Чаронды, ранее чересполосно принадлежавших патриарху и Ростовской епархии. Собором 1657 года вологодскому архиерею велено именоваться Вологодским и Белозерским. Его епархия по-прежнему состояла из двух частей — Вологодско-Белозерской территории и Яренско-Усть-Вымской.

В 1676 году длительному раздроблению Вологодской епархии наступил конец: после долгих тяжб и челобитий Яренский уезд и Усть-Вымские земли были также переданы в Вятскую епархию.

Обширные земли к северу от Вологды по-прежнему большей частью входили в Новгородскую митрополию. С 1674 года в ее юрисдикцию были возвращены из патриаршей области земли восточнее Северной Двины.

Долгое время в Русской православной церкви за каждой епархией закреплялась соответствующая степень: митрополия, архиепископия, епископия. Впоследствии — в XVIII веке — эта традиция стала грубо разрушаться государством. Поэтому на одной и той же кафедре последовательно могли оказаться и епископ, и архиепископ, и митрополит.

Епархии Холмогорская и Устюжская

Во второй половине XVII века в рядах церковного и государственного руководства возник грандиозный план переустройства церковной жизни Севера: обсуждались проекты учреждения самостоятельных епархий с центрами в Устюге, Холмогорах, Каргополе, Устюжне, Белоозере, Кевроли, Мезени, Олонце, Ваге. Однако по ряду соображений материального характера (содержание такого обилия архиерейских кафедр могло слишком тяжелым грузом лечь на приходы) и под влиянием традиционного местничества (старые церковные центры нелегко расставались с привычными «сферами влияния») эти проекты были реализованы значительно скромнее: в 1682 году на Европейском Севере было открыто только две епархии — Устюжская и Холмогорская.

В первую вошли Устюжский, Тотемский и Соль-Вычегодский уезды и через три года — Яренский уезд. Холмогорская епархия была выделена из Новгородской митрополии. В ее юрисдикции оказались Холмогоры, Кеврола, Мезень, Пустозерск, Кола с уездом, Важские четверти с Устьянскими волостями, Соловецкие острова. С 1732 года епархия именовалась Архангельской и Холмогорской.

Таким образом, к исходу XVII века церковная жизнь Севера протекала в рамках четырех епархий: Вологодско-Белозерской, Устюжско-Тотемской, Холмогорско-Важской и Новгородской (Устюженский, Каргопольский, Олонецкий уезды, Обонежская пятина).

От Петра до Павла

События петровского царствования — выход в Балтику, образование Петербурга и территориальные приобретения по Ништадтскому миру 1721 года — внесли изменения лишь в границы Новгородской епархии. В 1714 году в ее пределах было восстановлено Карельское викариатство, включавшее в себя Кексгольм с уездом и Ладогоу. Однако кафедра эта подолгу оставалась вакантной, а с 1742 года не замещалась вовсе. К тому же карельские епископы проживали в одном из новгородских монастырей, не оказывая, таким образом, прямого воздействия на церковную жизнь викариатства.

Практически не затронула границы и секуляризация 1764 года. Но она по-своему определила место каждой

епархии в церковной иерархии. Новгородская епархия была (в числе трех) отнесена к 1 классу. В ее пределах выделялось Олонецкое викариатство, заменившее к тому времени фактически ликвидированное Кексгольмское. Оно включало в себя Олонецкий, Каргопольский, Устюженский уезды, Ясенецкий и Красновский заказы. В связи с образованием Олонецкого викариатства произошло незначительное уточнение его границ с Архангельской епархией.

Вологодская, Устюжская и Архангельская епархии были отнесены к III классу.

В последние десятилетия XVIII века правительство Екатерины II, а затем и Павла I постоянно занималось вопросами административно-территориального деления империи. В правительственных и высших церковных кругах рождалась концепция, утверждающая, что церковь должна полностью соответствовать территориально-административной структуре государства: епархиальные границы должны совпадать с границами губерний, а духовная власть архиерея сосуществовать с губернаторской. Явно назревал пересмотр границ севернороссийских епархий.

В архангельских и олонечких землях это заняло несколько лет и проходило в два этапа. 15 марта 1787 года Архангельская епархия поглотила Олонецкое викариатство. Территория новой епархии стала совпадать с границами двух одноименных губерний, Архангельской и Олонецкой. Епископ получал титул Архангельского и Олонецкого.

Но по Павлогской губернской реформе 1797 г. Олонецкая губерния была ликвидирована, а ее территория была поделена между Новгородской и Архангельской, церкви — между новгородским и архангельским владыками. В Новгородскую епархию были переданы Петрозаводский, Олонецкий, Каргопольский, Вытегорский уезды и Лодейное поле. В Архангельскую — Повенецкий, Пудожский и Кемский. Архангельские епископы вновь стали именоваться Архангельскими и Холмогорскими.

Однако в том же 1797 году в рамках Новгородской епархии было учреждено Старорусское викариатство. Его епископ получал права полусамостоятельного епархиального архиерея, и в его ведение передавались, помимо Старорусского уезда, церкви и монастыри Петро-

заводского, Олонецкого, Каргопольского, Вытегорского уездов и Лодейного поля, а также возвращались приходы двух уездов Архангельской губернии — Пудожского и Повенецкого.

В 1788 году была упразднена Устюжская епархия. Все церкви передавались в ведение Вологодской епархии. После соединения в 1796 году Вологодской губернии и Великоустюжской области в одну губернию и здесь наступило полное совпадение губернских границ с епархиальными. Правда, для этого вологодскому архиерею пришлось отпустить в юрисдикцию новгородского владыки церкви и монастыри Белозерского, Кирилловского и Череповецкого уездов. Архиереи стали именоваться Вологодскими и Устюжскими.

ХІХ — начало ХХ века

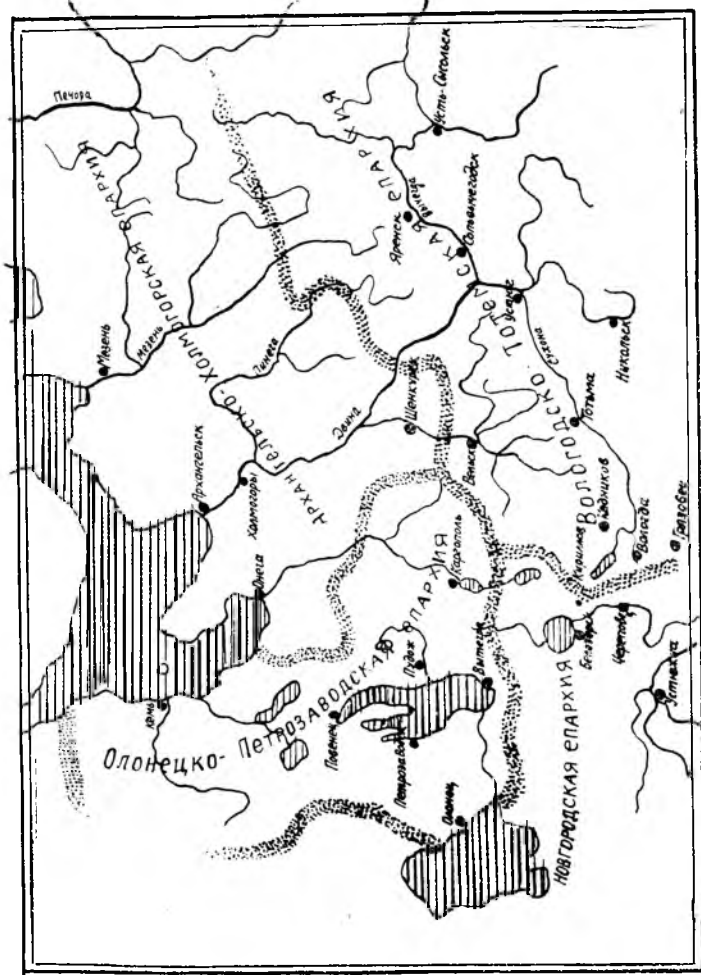
В ХІХ столетие приходы и монастыри Севера вступили в составе трех епархий: Архангельско-Холмогорской, Вологодско-Устюжской и Новгородской. ХІХ век добавил Олонецко-Петрозаводскую епархию (1828 г.), выделившуюся из Новгородской и включавшую уезды Каргопольский, Олонецкий, Петрозаводский, Вытегорский, Повенецкий, Пудожский, Лодейнопольский.

Особенностью церковно-территориального деления конца ХІХ — начала ХХ веков было повсеместное образование викариатств в рамках существовавших епархий. Так, в составе Вологодско-Устюжской епархии в 1868—1876 гг. существовало Тотемское викариатство. С 1888 г. в Великом Устюге была учреждена кафедра епископа-викария с титулом «Епископ Устюжский, викарий Вологодской епархии». Вологодскому же епископу велено было именоваться Вологодским и Тотемским.

С 1909 года в помощь вологодским владыкам был учрежден пост второго викария с титулом «Епископ Вельский».

В рамках Новгородской епархии в 1891 г. для ее северо-западных уездов было учреждено Кирилловское викариатство.

В пределах Олонецкой епархии в 1911 году было учреждено Каргопольское викариатство. В Архангельской епархии существовало в 1910—1913 годах Кемское, а с 1913 года — Пинежское викариатство.

Епархиальные границы XIX века.

Внутрипархиальное управление

К XVII веку оформились основы внутрипархиального управления. В церковную жизнь были перенесены образцы тогдашнего государственного устройства. При правящих архиереях создавались Судный и Казенный **приказы**: первый ведал судом над духовными лицами (а по некоторым вопросам и над светскими), второй — денежными доходами, кадровыми вопросами, скреплял печатью архиерейские указы и т. п. Большую роль в управлении играли **дьяки** — светские чины, возглавлявшие эти приказы. Ближайшими помощниками архиерея были также домовый **казначей**, **настоятель** и **ключарь** кафедрального собора, **«дети боярские»**.

Представителями архиерейской власти на местах были выбранные духовенством и утвержденные архиереем **«десятские попы»** и **«заказчики»**. Они следили за поведением местного духовенства, наблюдали за расколом, правильным оформлением браков, содержанием храмов в должном порядке и т. д. В городах настоятели соборных храмов возводились в сан протопопа (протоиерея), и им поручалось контролировать все городское и околгородное духовенство.

Время от времени для контроля за деятельностью местных администраторов (заказчиков) архиерей посылал своих домовых людей: судью, казначея, дьяков или настоятелей крупных монастырей. Сами архиереи поездки по епархии тогда не совершали.

В 1720—30-е годы XVIII века при архиереях вместо приказов стали создаваться **консистории**. В состав консисторского «присутствия» входили настоятели 2—3 крупнейших монастырей и представители приходского духовенства. Первоприсутствующим членом был сам правящий архиерей.

Аппарат консистории возглавлял **секретарь** — светское лицо, прошедшее, как правило, длительную службу в церковно-бюрократических органах и назначенное не епископом, а обер-прокурором Синода. Бывало так, что при часто меняющихся архиереях секретари забирали в свои руки значительную власть. В епархиях вообще складывалась обстановка своего рода двоевластия: аппарат духовных консисторий во главе с секретарями подчинялся канцелярии обер-прокурора Синода, епископы же — Синоду. Оно позволяло государству

осуществлять более строгий контроль за Церковью, переживавшей период своего огосударствления.

В XIX веке церковное управление везде строилось по единому образцу. Во главе епархии стоял архиерей (епископ, архиепископ), наделенный по церковному и государственно-административному праву весьма широкими полномочиями. Аппарат его по-прежнему именовался консисторией. На местах — вместо бывших ранее «десятских попов» и «заказчиков» — действовали отцы **благочинные**, т. е. старшие священники особых церковных округов — **благочиний**. Они осуществляли надзор за приходской жизнью и духовенством 10—20 приходов и самостоятельно решали некоторые текущие вопросы церковной жизни.

В конце столетия в связи с заметным усилением роли церкви в общественной жизни губерний рядом с архиереем существовали различные епархиальные попечительства, благочиннические советы, училищные советы и т. п. Периодически собирались съезды депутатов от духовенства и др.

В начале XX века повсеместно стали обсуждаться вопросы преобразования епархиального управления, возвращения его к демократическим традициям древнего времени. Одновременно Церковь искала путь к восстановлению патриаршества. Начиналась полоса подготовки глубоких реформ церковного управления.

Становление епархиальных семинарий

XVIII столетие было временем рождения системы духовных семинарий, ставших основным типом учебных заведений, где готовились кандидаты на священно- и церковнослужение. Отныне духовная семинария повсеместно была важнейшим общеeparхиальным делом, требовавшим не только многих средств и постоянного внимания, но и создававшая соответствующий престиж епархии, авторитет ее архипастырям.

Созданию периферийных духовных семинарий предшествовало учреждение в 1680-е годы в Москве греко-славянской Академии. Она была задумана как центр духовного просвещения, призванный дать мощный импульс развитию православного богословия и способный противостоять как католическому, так и протестантскому влиянию. С началом церковной реформы Петра I

в Академии возобладало так называемое латинское направление. Она стала именоваться славяно-латинской. Скрытая борьба между греко-славянской и латинской ориентациями в деле церковного обучения являлась отражением противоречий тогдашней «европеизации» России.

В этих условиях стали создаваться специальные школы для подготовки священнослужителей в ряде епархий, в том числе в 1706 году такая школа была открыта митрополитом Иовом в Новгороде. В ее основу была положена идея широкой гуманитарной подготовки будущих пастырей. Предполагалось изучение нескольких языков (славянского, русского, латинского и греческого), что могло открыть в тех исторических условиях верный путь к дальнейшему самообразованию. В новгородской школе стали готовить и учителей для других архиерейских школ.

Постепенно новгородская архиерейская школа стала создавать свои филиалы — «меньшие школы» — на периферии епархии: в Устюжне, Каргополе, Олонце, Оштинском погосте.

Духовный Регламент 1721 года, которым должна была руководствоваться Церковь по реформе Петра I, потребовал от каждого кандидата в священники пройти обучение в архиерейских школах. Он же предписал обязательное создание таких во всех епархиях. В Регламенте излагался и проект идеального духовного училища: 8-летнее обучение, господство латыни, закрытый тип учебного заведения — «образом монастыря», обязательность обучения для детей всего духовенства.

Создание системы духовного образования после 1721 года пошло энергичнее. В 1723 году в одной из келий архиерейского дома разместил училище — около 30 человек — холмогорский архиепископ Варнава, сам в прошлом иеромонах-проповедник Духовной Академии в Москве. Через несколько лет (в 1731 г.) его преемник, архиепископ Герман, переименовал училище в славяно-латинскую школу, достроил для него отдельное здание. Однако училище оставалось немногочисленным — 30—50 человек.

В 1724 году состоялось открытие архиерейской школы в Вологде. Однако через год она была закрыта и возобновлена лишь епископом Афанасием в 1729 году. Образцом для нее стало также славяно-латинское

направление. Латынь преподавал сам владыка. Училище было немногим больше холмогорского и размещалось на территории архиерейского подворья.

Первая попытка открыть архиерейскую школу в Устюге была предпринята в 1725 году. Обучалось в ней 15 детей духовенства: учили Букварь с толкованиями и грамматику. Однако потом эта школа была временно упразднена в связи с нехваткой средств.

Волна преобразований прокатилась по архиерейским школам в 30-е годы XVIII века: одна за другой они преобразуются в семинарии. А в 1737 году вышел указ Сената, прямо предписывавший повсеместное заведение духовных школ в объеме семинарий, разсланы формы ведомостей об училищах, и установлена периодическая отчетность.

Подобное преобразование в Вологде было проведено еще раньше — в 1730 году владыка Афанасий стал переводить обучение на семинарский уровень. В 1739 г. в Вологодской семинарии было оформлено два отделения: славяно-русское и славяно-латинское. Первое рассматривалось как подготовительное, в котором шло обучение чтению и письму по-русски. Второе состояло из классов грамматики (изучали премудрости латыни) и риторики (изучали стихосложение, учились произносить речи и проповеди на все случаи жизни). Число учащихся выросло до 100 человек.

В 1738 г. была преобразована в семинарию архиерейская школа в Великом Устюге, а в 1739 — в Холмогорах. Эти преобразования предполагали постепенное введение в семинариях высших классов—философского и богословского. Для подготовки соответствующих учителей лучшие воспитанники семинарий посылались для обучения в Московскую духовную академию. В конце 40-х годов открылся философский класс в Архангельской, а в 1751 г.—в Вологодской семинариях. В них на латинском языке изучались диалектика, физика, психология, метафизика. В Устюжской семинарии высших классов не открывалось: обучение завершалось классом пиитики и риторики.

В целом же это был сложный и противоречивый этап становления духовных школ. Ни одна из северных епархий не могла содержать богатые школы, поэтому все семинарии—особенно Архангельская и Устюжская — испытывали большие материальные трудности.

сти. Ощущались и крупные недостатки в учебном процессе: ни в народе, ни в среде духовенства не могли представить, для чего будущему православному пастырю нужно много лет учить латынь. Поэтому нередкими были конфликты между учеными преподавателями (чаще всего—приехавшими на Север учеными украинцами, выпускниками киевской академии), традиционно тяготевшими к латинской учености, и местным духовенством.

Одновременно оформившаяся система школ вела к усилению сословной замкнутости русского духовенства, поскольку назначение в клир ставилось отныне в прямую зависимость от получения образования в духовной школе. А учились там исключительно дети духовенства.

Семинарии были единственными на Севере учебными заведениями, в которых квалифицированно давалось систематическое гуманитарное образование. Они, несмотря на схоластику и иные недостатки, безусловно способствовали подъему общей культуры местного духовенства.

Семинарии после секуляризации

С 1760-х годов, после секуляризации монастырских и церковных имуществ, в истории духовного образования наступил второй период. Семинарии стали приобретать не местный, а общегосударственный и общецерковный характер: были определены единые принципы организации учебного процесса, введены штатные оклады от казны, была уменьшена прямая зависимость их существования от епархиального архиерея. Постепенно преодолевалось господство киевской схоластики и латыни. Предметы стали изучать на русском языке.

Семинарии разрастались, превращаясь в самые крупные из когда-либо существовавших на Севере учебных заведений. В 1780-е годы в Вологодской семинарии обучалось около 500 человек. Здесь сложилась богатейшая по тому времени библиотека, где хранились сочинения Цицерона, Вергилия, Овидия, Цезаря, Гомера, имелись книги исторического содержания, словари, энциклопедии. В 1778 г. был введен высший из семинарских классов—богословский. В 1798 г.

для семинарии было построено просторное здание в центре города на берегу р. Вологды.

Холмогорская семинария в связи с перемещением архиерейской кафедры в Архангельск несколько раз меняла место своего пребывания — Спасо-Прилуцкий монастырь в 15 верстах от Холмогор, Михайло-Архангельский монастырь (г. Архангельск), специально выстроенный деревянный дом близ архиерейской резиденции, вновь Михайло-Архангельский монастырь и т. д. Все это довольно долго—вплоть до конца 1780-х годов—мешало поставить учебный процесс в рамки полного семинарского цикла.

Устюжская семинария к семидесятым годам XVIII века довела число учащихся до 200. Однако в 1788 году в связи с ликвидацией епархии была закрыта. Вместо нее осталось училище с таким же кругом предметов.

Отметим, что в 1778 году была открыта Белозерская духовная семинария с неполным курсом обучения (около 100 человек). Она просуществовала 12 лет и была закрыта из-за недостатка средств. В 1778—1795 гг. действовала духовная семинария в Кирилло-Белозерском монастыре, реформированная впоследствии в духовное училище. В 1748 г. малое духовное училище было открыто в Тотьме.

Система духовного образования в XIX веке

Значительным событием в дальнейшем развитии епархиального духовного образования стала училищная реформа 1808 года. «Дней александровых прекрасное начало» наложило на нее отпечаток смелых и прогрессивных начинаний. Фактически была создана та трехзвенная система, которая сохранялась в отечественном духовном образовании вплоть до 1918 года: начальное звено — **духовные училища**, среднее звено — **семинарии**, высшее звено—**академии**. В каждой из северных епархий существовало по одной духовной семинарии—в Вологде, Архангельске, Петрозаводске, Новгороде. Семинария, в свою очередь, как бы обрастала системой духовных училищ — Вологда, Тотьма, Никольск, Устюг, Усть-Сысольск, Устюжна, Петроза-

водск, Каргополь, Александро-Свирский монастырь. Кириллов, Белозерск, Архангельск.

С тех пор путь к образованию у детей духовенства начинался с духовных училищ. С 8—9 лет они уезжали из семьи и в ближайшем к ним духовном училище начинали учебу.

Из воспоминаний ученика устюжского духовного училища 1840-х годов: «Училищное здание был каменное, одноэтажное. Помещалось оно в Архангельском монастыре, вход в него был из монастыря. Кроме классов первого, второго и четвертого, по размерам достаточных для 50 учеников, а третьего — для 70, в этом корпусе помещалось и правление училища с канцелярией и кухней для единственного при училище сторожа, старого солдата, которому школьное предание, кроме настоящего христианского имени, не знаю почему, присвоило кличку «Пилат». Из канцелярии, где была и сборная комната для господ наставников, тянулись деревянные неширокие мосточки во все классы училища... Вход в классы был с улицы, имел по две, в одно полотно, двери. Высота в классных комнатах казалась приличною, и света было достаточно, окна были не малы, и свет входил в них с двух сторон...

Занятия в училище начинались с 8 часов утра и продолжались с двухчасовым перерывом — от 12 до 2 часов — до 4-х часов пополудни, ежедневно, кроме суббот, когда они прекращались в полдень...

Классных журналов у нас не было, а имелись у каждого учителя списки, в которых и отмечалась «спищиком» (одним из учеников, ведшим этот список, по назначению учителя) степень знания учениками каждодневного своего урока. Кто же определял эту степень знания уроков? А для этого существовал целый ряд почтенных людей, из тех же учеников, которые обязаны были прослушать уроки известного числа своих товарищей, определить степень знания и сделать соответствующую отметку в списке. Назывались одни из них «аудиторы», а другие «проверяющие». Первому назначалось для прослушивания уроков человек 5 учеников, а второму, для проверки, в случае апелляции или в целях прокурорского надзора, до 20 учеников...

И вот учитель, по приходе в класс, после краткой молитвы, садится в свое кресло и разворачивает уже находящийся на столе его список, обращает свое внимание на тех учеников, которые ничего не знают. — Почему ты не знаешь урока, говорит он спрошенному ученику. — Не мог выучить. Резолюция: поди, высекут. Ученик идет, молча получает известное число ударов розгой и садится на свое место. А если кто скажет: «я знаю» или «я выучил» — иди отвечай. Хорошо ответил — прав, плохо — двойная порция назначается. И так далее до последнего ученика, не твердо урок знающего. Затем обычно спрашивался кто-нибудь, без всякой очереди из лучших учеников, всегда знающих урок... Мы очень дорожили положением «аудитора», а особенно «проверяющего», а дороже всего нам было доверие к нам учителей.

После духовного училища путь вел в семинарию.

Устав и программы семинарий в течение XIX века менялись четырежды. Время по-разному воздействова-

ло на состояние духовного образования. В 1860-е годы в ходе великих реформ предусматривался ряд мер по преодолению замкнутости и корпоративности духовного сословия. Впервые почти за полтора века нарушался принцип наследственности «духовного состояния»: студентам духовных семинарий разрешили поступать в университеты, детям духовных особ—в гимназии и военные училища. В 1862 г. из 115 выпускников Вологодской семинарии 32 человека избрали своей деятельностью службу в качестве чиновников, учителей, либо определили себе иные светские занятия. Тогда же свободный доступ в семинарии открывался для всех православных. Однако сформировавшаяся традиция делала свое дело: семинарии в своей основе продолжали оставаться узкокорпоративными учебными заведениями. Так, в 1896 году из 581 ученика Вологодской семинарии 485 были из семей духовенства.

В 1850—1860-е годы в программы семинарий включались предметы, должные подготовить будущего пастьера, особенно сельского, не только к духовно-религиозной деятельности, но и приблизить его к практическим нуждам прихожан. Семинаристы среди многих дисциплин стали изучать такие, как естественная история, сельское хозяйство, медицина, педагогика.

Вновь предоставим слово современникам: «Учились мы в семинарии с 1856 по 1862 год, т. е. как раз в то время, когда с восшествием на престол императора Александра II-го началось оживление общественной мысли, заговорили о прогрессе, стала быстро развиваться светская и духовная журналистика, когда даже в Вологде открыта была публичная библиотека. В то же время появляются в ряду семинарских преподавателей новые люди прямо с академической скамьи, люди талантливые, умеющие возбудить и поддержать любознательность в юношах. Они не учили нас беспардонному либеральничанью, но будили мысль, разбирая то или другое литературное произведение или наши сочинения. А мы, анализируя их суждения, делали уже свои заключения, мы хотели расширять свои скудные школьные познания, хотели читать и читать не только то, что должны были знать по семинарской программе, но шире и больше. Мы знали, что есть течения человеческой мысли консервативные и прогрессивные. Нам казалось необходимым ознакомиться, по мере сил и возможности, более или менее основательно с теми и другими. Мы пошли в библиотеки публичную и частные к знакомым людям и стали читать не одних уже только духовных авторов, не одни духовные журналы, не одни и светские консервативные, а самые передовые, прогрессивные журналы. Так, постепенно и, пожалуй, нечувствительно подошли мы к дереву познания добра и зла, а если подошли, то разве мыслимо для юности удалиться от него, не покушав заманчивых по виду и аромату его губительных плодов!».

Автор этих строк — прослуживший впоследствии около полувека провинциальным священником, ставший в начале XX века депутатом Государственной Думы, признает, что жизнь за пределами семинарии была куда сложнее, чем науки, которые выучивались в аудиториях. Но семинарии той поры давали толчок к размышлениям, пробуждали интерес к общественным проблемам. Известны факты участия семинаристов в народнических кружках, в либеральных обществах, в чтении запрещенных изданий.

К восьмидесятым годам XIX века семинарские программы были урезаны и включали исключительно богословские предметы, языки и некоторые гуманитарные науки общеобразовательного цикла. К концу столетия в семинарии изучались Священное Писание и литургика, основное и догматическое богословие, церковная история и гомилетика, а также языки: латинский и греческий, еврейский и немецкий. Не игнорировались и светские предметы: русская история и словесность, физика и математика, психология и педагогика, логика и обзор философских учений. Много внимания уделялось церковному пению. В начале XX века большое внимание стало уделяться полемическому богословию и обличению раскола.

С последних десятилетий XIX века новым общепархиальным делом стала массовая подготовка учительниц начальных классов: были основаны **епархиальные училища** для девушек. В начале XX века в таких училищах Вологды и Устюга, Архангельска и Каргополя готовили себя к званию народной учительницы около тысячи «епархиалок».

Епархиальная жизнь и церковная интеллигенция

В преддверии XX столетия в среде служителей церкви стал формироваться слой провинциальной церковной интеллигенции. Это преподаватели учебных заведений церковного ведомства (семинарий, духовных училищ, церковно-приходских школ), сотрудники местных церковных газет, священники, преподававшие в школах и гимназиях, т. е. все те, кто занимался высококвалифицированным преподавательским, журналистским, исследовательским и просветительским трудом.

Их деятельность наполняла общественное служение Церкви новым содержанием, делала его все более созвучным эпохе. Благодаря им стало формироваться осознание епархиального единства, общности его прошлого и настоящего.

Церковных интеллигентов сближало не только ведомственное единство. Они были, как правило, из потомственного духовенства, учились в одной системе духовных учебных заведений. Их роднили семейные и бытовые традиции, близость нравственных и мировоззренческих ориентиров. Благодаря этому церковная интеллигенция Севера, «распыленная» по небольшим городкам, отстоявшим друг от друга на огромные расстояния, сосредоточенная значительными группами лишь в губернских (Архангельск, Вологда, Петрозаводск) и в некоторых уездных (Устюг, Олонец, Каргополь, Тотма, Белозерск) городах, довольно скоро стала ощущать свою общность и высокое назначение.

Провинциальная церковная интеллигенция начала выводить духовное сословие из состояния корпоративной замкнутости. Она охотно шла на сотрудничество с земской интеллигенцией, на совместное обсуждение местных проблем, создание просветительских, благотворительных и научных союзов.

Наиболее ярко общественное служение епархиальная интеллигенция проявила в разрывании просветительской и научной деятельности. Отдельные священнослужители вели такую деятельность в XIX веке и прежде—епископ Вологодский Евгений (Болховитинов), архиепископы Олонецкие Игнатий и Аркадий, архангельский священник К. С. Молчанов (умер в 1812 г.)—автор «Описания Архангельской губернии», петрозаводский священник П. Солярский — автор «Записок по нравственному богословию» и «Библейского словаря» и др. Но тогда это был подвижнический труд одиночек. В конце же столетия научная и просветительская деятельность церковной интеллигенции стала приобретать общепархиальный характер.

В 1896 г. в Вологде при Вологодском епархиальном древнехранилище была создана «Постоянная церковно-археологическая комиссия любителей истории и древностей». Председателем комиссии стал И. Н. Суворов. Он и его отец Н. И. Суворов (преподаватель Вологодской духовной семинарии) были известными историками-краеведами, труды которых были на уровне самых высоких требований того времени. Н. И. Суворовым было опубликовано около 300 работ, главным образом по истории. Суворовы принадлежали к тем историкам XIX—начала XX вв., которые считали, что лю-

бой факт, даже малозначительный, должен быть сохранен для потомков. Их труды со временем сами стали редким и ценным источником по истории Вологодского края.

Плодотворно трудились в комиссии служители церковного ведомства и священники: С. А. Нелеин, Е. Н. Бурцев, Ф. Малевинский. Одна за другой выходили в свет книги «Описаний свитков, находящихся в Вологодском епархиальном древнехранилище», брошюры с описанием церквей, монастырей и святынь Вологодчины. На глазах одного поколения была воссоздана— в образах и фактах—история епархии.

Еще раньше, в 1887 году, в Архангельске начал работать Комитет по собиранию и хранению письменных и вещественных памятников, с 1891 года—Церковно-археологический комитет. При нем в здании Михайло-Архангельского монастыря было создано древнехранилище (музей), где коллекционировались памятники старины. Оно стало одним из первых в России музейных учреждений этого типа. Вдохновителем начинания стал Ю. М. Сибирцев—бессменный директор древнехранилища-музея, видный знаток древнейшей письменности Севера, получивший в 1928 году высокое звание члена-корреспондента АН СССР. Его перу принадлежит и богатейший по наблюдениям и фактам труд «Исторические сведения из церковнорелигиозного быта г. Архангельска в XVII и первой половине XVIII века», опубликованный в местных «Епархиальных ведомостях». Им фактически заложена основа для написания истории епархии.

Известным к тому времени историком, богословом и педагогом был и его отец—Михаил Иванович Сибирцев. Видными учеными стали его братья—Н. М. Сибирцев—ученик Менделеева, соратник Докучаева, основатель отечественного почвоведения, Е. М. Сибирцев—исследователь флоры и почв Беломорья.

Семья Сибирцевых. Фото 1895 года.

Благодаря деятельности комитета, при поддержке епархиальной власти, в Архангельске стало возможным написание и издание 3-томного труда «Краткое историческое описание приходов и церквей Архангельской епархии». Его готовили священники всей епархии—обращались к архивным документам, приходским летописям, воспоминаниям очевидцев. Это был первый коллективный церковно-краеведческий труд подобного размаха.

Серьезной публикаторской и исследовательской деятельностью занимались выпускник Московской духовной академии В. П. Шляпин (Устюг), преподаватель Н. П. Успенский (Кириллов), священник Е. Мерцалов (Петрозаводск), многие другие.

Исследовательская и творческая деятельность находила широкий выход в местной церковной периодике. С 1864 г. начали выходить в свет «Вологодские епархиальные ведомости», с 1885—«Архангельские епархиальные ведомости», с 1898—«Олонекские епархиальные ведомости». По традиции тех лет каждый выпуск газеты состоял из двух частей—официальной, где сообщались распоряжения епархиальной власти, телеграммы, сообщения и т. п., и неофициальной, в которой размещались публицистические и исследовательские

материалы, очерки и рассказы, образцовые проповеди, речи, разъяснения по вопросам веры и др. Живые картины приходской и монастырской действительности вскрывали проблемы церковного служения. Газеты имели неоценимое значение для формирования чувства общности служителей Церкви, своевременного информирования об общепархиальных и общецерковных делах и заботах. Местная церковная публицистика охотно выписывалась и читалась в провинции.

Особую сторону общепархиальной деятельности церковной интеллигенции представляли **церковно-православные братства**: Всемиловитового Спаса в Вологде, Стефано-Прокопьевского в Устюге, Александро-Свирского в Петрозаводске и др. Они пытались решать две задачи: усилить религиозно-воспитательное воздействие на население и активизировать христианскую благотворительность. Членами братств становились прежде всего священники. Средства складывались из взносов, пожертвований, доходов от книжной и иконной торговли. Братства организовывали публичные религиозно-назидательные чтения, духовные концерты, выставки, бесплатные столовые, материальную помощь ученикам церковных школ, создавали воскресные школы, бесплатные читальни. Количеством своих членов и действенностью мероприятий эти и другие церковно-филантропические организации заметно превосходили аналогичные светские учреждения. И, несмотря на то, что специфика Севера придавала этим братствам ярко выраженную антираскольническую направленность, они значительно оживили интерес к православной культуре и морали, церковной истории и вопросам веры.

С 1860-х годов в рамках Православной церкви вырастает особое, только ею курируемое, подразделение российской начальной школы. Это были **школы грамотности, воскресные школы и церковно-приходские школы**. По замыслу их создателей, эти типы начальной школы должны были распространять грамотность, элементарные знания о природе и истории, а также воспитывать любовь к Церкви, царю и Отечеству. К обучению в них допускались лица, имевшие свидетельства на звание народного учителя. На первых порах та-

Церковно-приходская школа (Кадниковский уезд). Фото 1875 года. Из фондов Государственного архива Вологодской области. Публикуется впервые.

ковыми становились сами священники или выпускники семинарий и училищ, не имевшие сана. Затем стали приезжать выпускницы епархиальных училищ.

Повсеместно строились школьные помещения, закупались книги и школьные принадлежности, оборудование, заготавливалось топливо и т. д. Была налажена инспекция приходских школ, оценка уровня знаний учеников. В каждой епархии периодически проводились летние курсы учителей, обобщался лучший опыт.

Показательно, что в деятельности учителя церковно-приходской школы ценилось не только владение методикой обучения, но и умение воспитывать своих учеников в духе христианских добродетелей.

Созданная таким трудом сеть школ была весьма внушительна. Так, в пределах Архангельской епархии в 1906 году действовало 169 церковно-приходских школ (более 7 тыс. учеников) и еще 84 школы грамотности (более 2 тыс.). В Вологодской епархии с 1885 по 1894 год было открыто 312 церковно-приходских школ. В Петрозаводской—в 1907 г. было 116 школ грамоты и 210 церковно-приходских школ с общим числом учащихся более 7 тыс. чел. 16 лет трудился здесь епархи-

Николай Кириллович Чуков, протоиерей, наблюдатель церковно-приходских школ Олонецкой епархии.

альным наблюдателем церковно-приходских школ священник Николай Чуков (впоследствии митрополит Ленинградский и Новгородский Григорий, умер в 1955 г.), создав в Карелии одну из лучших по тем временам сеть начальных школ.

Церковно-приходская школа была на Севере самым распространенным типом начальной школы. Важно и то, что она удовлетворяла крестьянство. Она была доступна, соединяла обучение с традиционным крестьянским воспитанием, вызвала доверие и тем, что там преподавал местный священник.

Очевидно, что епархиальная жизнь XX века все больше разворачивалась к просветительской, благотворительной и общественной деятельности ради решения социальных проблем своей епархии, уезда, прихода.
